

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

Ко когда все шло хорошо, пріятнѣйшая улыбка не сходила съ его усть.

Ему моя спокойная игра такъ понравилась, что когда все кончилось, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Позвольте надѣяться, что вы не откажете сдѣлать мнѣ честь пріѣхать ко мнѣ?

— Съ наслажденіемъ! Когда вамъ будетъ угодно?

— Земскій! (дворецкій) Запиши адресъ!

— Я знаю-съ,—отвѣчаетъ тотъ.

Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, онъ аккуратно присылалъ утромъ земскаго въ городъ. Его обязанность была объѣхать всѣхъ знакомыхъ и со всѣми вести такой разговоръ:

— Александръ Аѳанасьевичъ приказали вамъ кланяться и просятъ васъ сегодня къ себѣ.

Одни общались, другіе отказывались. И вотъ часамъ къ пяти по городу шныряютъ двѣ, три, а иногда и четыре тройки и собираютъ гостей.

Позвольте здѣсь сдѣлать маленькое, необходимое отступленіе.

Въ богоспасаемомъ градѣ этомъ не было общественныхъ бань; кушечество покрупнѣе имѣло свои баньки, исключительно для себя, гдѣ-то на задворкахъ; мѣщанство мылось на кухнѣ,

¹⁾ См. „Русская Стар.“ июль 1913 г.

въ корытахъ, а парилось въ русской печи; разные же интеллигенты, въ родѣ малюсенькихъ чиновниковъ, отставныхъ солдатъ, пропившихся торговцевъ, чиновничьихъ кухарокъ, и разныхъ живущихъ такъ „самъ при себѣ“— все это пользовалось капельною общественною банькою, построенною какимъ-то предприимчивымъ кошкодавомъ въ ямѣ, называвшейся „Яндовой“.

Вотъ я разъ и затесался въ эту баню.

Представьте мой ужасъ: и раздѣваться, и мыться приходилось въ одной и той же комнатѣ; горячую воду черпали изъ котла громаднымъ желѣзнымъ ковшикомъ, а холодную изъ кадокъ; налѣво отъ тебя брызжется, моясь, инвалидный солдатъ, направо—сидитъ дама... Единственная входная дверь отворена настежь, такъ какъ въ банѣ нѣтъ ни одного окна, и свѣтъ можетъ проникнуть въ нее только чрезъ отворенную дверь; дуло ужасно... Дѣло было глубокою осенью, и какъ только хранилъ Господь донецкихъ обывателей отъ разныхъ повальныхъ простудныхъ болѣзней—ей Богу, не понимаю.

Само собою разумѣется, что я побывалъ тамъ разъ, набрался животныхъ, которыя такъ выразительно хрустѣли подъ корявыми ногтями сосѣда-инвалида, занимавшагося передъ мытьемъ своимъ туалетомъ, и закаялся туда ходить...

Богъ съ ними! Это какіе-то овцеводы изъ Запорожской сѣчи—съ одной стороны.

Это рай до грѣхопаденія прародителей—съ другой!

Это все, что хотите, но только не баня!

Ну, гдѣ же можетъ встрѣтиться еще подобное явленіе?

Развѣ въ (открытой Островскимъ) „Бѣлой Арапіи и странахъ къ ней прилежащихъ“!

Такъ вотъ въ какомъ „нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ“ мнѣ пришлось начать мою службу царю и отечеству.

Конечно, баня помѣщика-старичка И. была для меня главнѣйшею приманкою, и я поѣхалъ къ нему на званый вечеръ.

Чтобы не возвращаться въ будущемъ къ описанію жителя-бытья этого рѣдкаго даже въ то время экземпляра, я возьму именно банный день. Разница этого дня отъ обыкновеннаго заключалась только въ томъ, что въ банный день тройки приѣзжали за гостями часу во 2-мъ дня, а въ обыкновенный часу въ шестомъ вечера, и въ банный день, конечно, народу бывало гораздо больше: играли на четырехъ-пяти столахъ, тогда какъ въ обыкновенный самое большее на двухъ-трехъ.

Итакъ банный день.

Часа въ два дня успѣлись мы въ четверомъ въ саннопошевни, съ теплой полостью; въ рукахъ у насъ: у кого узелокъ, у кого самодѣльный сакъ-воляжъ изъ остатковъ стараго половика, у кого лыковая плетенка съ бѣльемъ. Облѣнившіяся лошади, несмотря на свою старость, живо проскакали по отличной дорогѣ четыре-пять верстъ и подвезли къ небольшой, прекрасной банькѣ, стоявшей около парка, окружавшаго домъ съ трехъ сторонъ, построенной, какъ говорятъ, изъ линоваго лѣса; я въ лѣсѣ не имѣю никакого понятія и потому говорю это со словъ другихъ. И можно было этому вѣрить: въ этой черноземной полосѣ трудно было найти лѣсъ сосновый, тогда какъ лины росли повсюду.

Банька, кромѣ обыкновенной прихожей для верхняго платья, имѣла: большую комнату для раздѣванья, съ широкими лавками, покрытыми матрацами и тонкими полотняными простынями; холодную баню и, затѣмъ, горячую съ обычнымъ полкомъ. Мѣдныхъ тазовъ и шаекъ, простынь и полотенецъ, расчесанныхъ мочалокъ, всевозможнаго мыла—сколько угодно.

Выходите вы изъ бани, и къ вашимъ услугамъ въ стеклянныхъ кувшинахъ квасы разныхъ сортовъ: и яблочный, и малиновый, и клюквенный, и хлѣбный.

Хоть купайся!

Моешься, бывало, съ наслажденіемъ. И московскія бани того времени никогда не могли доставить столько удовольствія.

Изъ бани первая партія отправляется садомъ въ домъ.

Этотъ старый барскій домъ стоитъ того, чтобы посвятить ему нѣсколько строкъ.

Очень большая передняя; очевидно, въ былое время она много пріючивала верхняго платья наѣзжихъ гостей. По стѣнамъ опять таки лари, на которыхъ, вѣроятно, разные Митьки, Ваньки, Степки сидѣли, дремали да вязали чулки и перчатки.

Изъ передней вы входите въ большой залъ, въ которомъ помнится мнѣ только фортепіано краснаго дерева съ инкрустаціями. Должно быть, это было одно изъ первыхъ фортепіанъ, смѣнившихъ клавишины.

Изъ зала направо идетъ рядъ комнатъ: двѣ гостиной, бо-светная, а назначенія другихъ не помню; направо—маленькая гостиная, а за нею выдававшаяся наружу комната-фонарь, гдѣ стояла большая подзорная труба, въ которую старичекъ постоянно посматривалъ на виднѣвшійся вдали городокъ, съ нетерпѣніемъ ожидая дорогихъ гостей.

Въ первой гостиной, уставленной мебелью двадцатыхъ годовъ, висѣлъ громадный въ золоченой рамѣ портретъ Императрицы Екатерины II.

— Вы помните, Александръ Аванасьевичъ, государыню?

Онъ бросаетъ на васъ удивленный взглядъ...

— Что вы такое говорите? Какъ же не помнить матушку-царицу? Я былъ ея пажомъ... заканчиваетъ онъ съ пріятной горделивой улыбкой.

Вотъ, казалось, домъ, что называется, полная чаша! Одного только не было: кошекъ.

Не терпѣлъ ихъ старичекъ; ни одна не смѣла, не только попасть въ домъ, но и появляться даже въ саду.

Грѣшный человѣкъ: узнавшій это, я задумалъ пошкольничать. Забѣжишь въ комнату подальше отъ хозяина и начнешь:

— Мя-у... мя-у... мя-у...

Онъ такой шутки не допускаетъ; онъ думаетъ, что это кошка, сейчасъ же затормошится и мелкими шажками бѣжитъ искать дворецкаго.

— Земскій... кошка... Земскій... кошка!..

Бѣжитъ туда, откуда слышится мяуканье, а я ужъ въ другой комнатѣ и тамъ кошатничаю... Онъ туда...

Прости, Господи, грѣхъ юности моей!

— Оставьте, сударь! Баринъ безпокоится!—подойдетъ и просить земскій.

Мяуканье прекращается, а земскій подходитъ къ барину и серьезно докладываетъ: „прогналъ-съ“! и тотъ успокаивается.

Въ залѣ посрединѣ накрытъ большой обѣденный столъ, во главѣ котораго ставится приборъ хозяина, а около него кресло съ мягкой и пышною волосяной подушкой; а у стѣны, въ сторонкѣ, маленькій, на которомъ стоитъ водка разныхъ сортовъ и закуски, преимущественно соленыя: икра, сардины, селедка, великолѣпное сливочное масло и т. п.

Всѣ подходятъ къ этому столу, выпиваютъ по двѣ, по три рюмки, съѣдаютъ всю закуску и садятся за обѣдъ, при чемъ безцеремонно собственноручно перетаскиваютъ съ маленькаго стола всѣ графины и бутылки и ставятъ около себя на обѣденномъ столѣ.

Какъ часто я примѣчалъ презрительно брезгливые взгляды хозяина на всѣ эти откровенныя продѣлки уѣздныхъ башибузуковъ! Какъ, вѣроятно, коробила екатерининскаго пажа подобная безцеремонность!

Обѣдъ нынче хорошъ. Это понятно почему: земскому на приглашеніе приходилось выслушивать такіе отвѣты:

— Пріѣхать пріѣду, только, смотри, чтобъ жеваныхъ котлетъ не было; а то ишь чѣмъ заладили кормить... Этакъ онъ всѣхъ гостей отучить къ нему ѣздить... Да чтобъ икра была на закуску... Мы и дома ее ѣдимъ, а у помѣщика чортъ знаетъ чѣмъ пробавляемся...

— Слушаю-съ. Я доложу.

И за обѣдомъ, дѣйствительно, подавались и индѣйки, и утки, и куры, и цыплята, смотря по сезону, а въ числѣ закусокъ являлась и икра.

Подумаешь, какіе гастрономы!

Удивительные были нравы!

Ну, чѣмъ не „Бѣлая Арапія“?

Послѣ обѣда, не теряя времени, садились за карты и такъ до часу, когда подавался ужинъ.

Во время игры подавался чай, въ первомъ часу—ужинъ, и затѣмъ на тройки и домой.

„Вотъ какъ жили при Аскольдѣ наши дѣды и отцы!“

— Является земскій къ какому-либо уѣздному архаровцу и говоритъ:

— Александръ Аѳанасьевичъ приказали вамъ кланяться и спросить, не можете ли вы ихъ сегодня принять къ себѣ?

— Что-жъ, можно; только чтобы возъ муки прислалъ.

— Слушаю-съ. Я доложу.

И передъ вечеромъ тянется возъ муки, а къ семи часамъ является и дорогой гость въ каретѣ.

Жизнь, или кошелекъ!

Какъ есть Бѣлая Арапія!

„Взманило это вороненка“: и я разъ удралъ такую же штуку.

Ну, ради Бога, скажите, на что мнѣ, бобылю, нуженъ былъ возъ муки?

А привезли.

Это все анаѳема (не тѣмъ будь помянута) хозяйка погубила.

— Побогаче васъ и то пользуются!—урезонивала она меня.

Муку привезли, и она ею воспользовалась, а мнѣ что-то скинула въ этомъ мѣсяцѣ за квартиру.

Это за возъ-то!

Но ей Богу за всѣ три года только одинъ возъ и взялъ.

И вотъ въ такомъ-то раю я прожилъ почти три года. Прижился, акклиматизировался и началъ даже мохомъ обростать...

Мой романъ—какъ онъ начался, тянулся и кончился—не можетъ имѣть общаго значенія; ни одного штриха онъ не прибавилъ къ тѣмъ житейскимъ эскизамъ, которые я здѣсь набрасываю; онъ имѣлъ интересъ исключительно для меня, а потому я его пропускаю.

XXI.

Я имѣлъ намѣреніе въ своихъ воспоминаніяхъ касаться только такихъ лицъ, которыхъ могъ наблюдать болѣе или менѣе близко.

Но недавно, на-дняхъ, въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи на ученическомъ вечерѣ я встрѣтилъ старушку-надзирательницу.

Во время перерыва танцевъ пробираюсь вдоль стѣнъ по залу.

— Сергѣй Григорьевичъ!—слышу чей-то голосъ, звавшій меня.

Обертываюсь и вижу начальницу, наклонами головы приглашавшую меня къ себѣ.

Направляясь между толкавшеюся молодежью къ ней, я успѣлъ разглядѣть сидѣвшую около нея какую-то старушку: небольшого роста, въ скромномъ темно-сѣромъ платьѣ; лицо старушки мнѣ было совершенно незнакомо, но, поздоровавшись съ начальницей, я счелъ нужнымъ поклониться и ея сосѣдкѣ.

— Не узнаете? спрашиваетъ меня начальница, головой указывая на старушку.

— Н-н-нѣ-ѣ-ть...

Я вытаращилъ глаза и усиленно рылся въ своей памяти.

— Да гдѣ же узнать... Вѣдь больше сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ...

— Варвара Петровна П..., напомнила мнѣ начальница.

Это имя мнѣ ровно ничего не сказало, и вся фигура моя изображала сплошное недоумѣніе.

— Вспомните Донецъ... Сущевыхъ... Сосѣдей... наши спектакли.

— Боже! Варвара Петровна! Да неужели это вы?!—воскликнулъ я и обѣ руки протянулъ къ старушкѣ.

— Да... я... Трудно узнать?—съ милой, скромной, доброй улыбкой отвѣтила Варвара Петровна.

— Ну, сегодня первая считка нашихъ спектаклей, говоритъ мнѣ Сущовъ какъ-то въ субботу послѣ обѣда. Поѣдемъ къ П., туда всѣ соберутся, такъ какъ почти вся семья ихъ прини-

маеть участіе въ этихъ спектакляхъ, а остальныхъ участвующихъ всего только трое: ты, я да А. А. М—а.

Въ пятомъ часу уже стемнѣло; у подъѣзда слышался звонъ бубенцовъ поданной тройки; хотя было и морозно, но мы одѣлись по-городски, такъ какъ домъ П. былъ очень недалеко: его освѣщенные окна были видны изъ оконъ дома Суцова.

Это начало моего знакомства съ семьей сосѣдей, но потомъ мнѣ частенько приходилось заглядывать къ нимъ, такъ что была нѣкоторая возможность вывести что-то въ родѣ заключенія.

Шель 1869 годъ. Восемь лѣтъ только минуло съ той поры, какъ отошли отъ нихъ крестьяне, а ужъ попахивало могилой. Правда, семья большая: два женатыхъ брата, изъ нихъ у одного тоже большая семья; двое холостяковъ и четыре сестры-дѣвицы.

Какъ велико было ихъ имѣніе, я не интересовался разузнавать въ то время. Жившій въ имѣніи братъ служилъ мировымъ посредникомъ; другой проживалъ тутъ же, будучи, какъ говорится, министромъ безъ портфеля; два другіе брата, бывшіе моряки, служили лѣтомъ въ коммерческомъ флотѣ, а на зиму пріѣзжали въ родное гнѣздо.

Пріѣхавши къ нимъ съ Суцовымъ въ первый разъ вечеромъ, я, конечно, не могъ хорошенько разглядѣть обстановку ихъ жизни. Какъ извѣстно, ночью всѣ овцы кажутся сѣрыми. А вотъ какъ-то я забрался къ нимъ днемъ, то Божій свѣтъ натолкнулъ меня на многія мысли.

Передняя. Длинная, и даже очень, комната въ два окна. Очевидно, здѣсь когда-то бывали пріѣзды не малые. Подъ окнами неизбѣжный ларь, или рундукъ, или Господь вѣдаетъ, какое имя и отчество этого господина, въ утробѣ котораго прятались и вакса съ сапожными щетками, и ламповыя стекла, и грязныя тряпки, и старая обувь, и половыя щетки, и прочая дрянь.

На ларѣ неизбѣжный Иванъ въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ. Такіе костюмы теперь можно встрѣтить развѣ только на сценѣ Московскаго Художественнаго театра. Обои на стѣнахъ частью грязныя, частью подопрѣлыя, частью рваныя; мѣстами виднѣлись трещины во всю стѣну, а изъ нихъ, подъ покровомъ тьмы почной, выползають небольшія, красныя, злыя животныя, которыя казнятся тутъ же, на мѣстѣ, рукою много, много претерпѣвшаго отъ нихъ Ивана.

Изъ передней вы, конечно, входите въ громадный залъ съ паркетнымъ поломъ... хорами... съ грязноватыми, мѣстами треснувшими обоями; съ темнымъ, давно не бѣлившимся потолкомъ.

Семья музыкальная,—и потому имѣется прекрасный старинный рояль, съ пожегѣвшими клавишами, повидимому, довольно цѣнный (остатки прошлаго) и хорошо настроенный; на это денегъ не жалѣютъ, такъ какъ это единственное утѣшеніе въ сѣренькой жизни семьи. Затѣмъ шла большая гостиная, оклеенная синими обоями, съ старинною мягкой мебелью краснаго дерева. Дерево—хорошо, обивка и слянула и пообтерлась.

Въ комнатахъ свѣжевато: и домъ устарѣлъ, требуетъ основательнаго ремонта, и печи плохо работаютъ, да и топить приходится стариновкой, а не дровами; мѣстность степная, дрова дороги.

Во время репетиціи подавали чай и молоко—кто что хочетъ, а если угодно, то можете и того, и другого вмѣстѣ.

Молоко хорошее, цѣльное. Много дѣтишекъ—безъ молока не обойдешься. Повидимому, современныя химическія соединенія имъ были въ то время неизвѣстны.

Вмѣсто ужина легкая закуска: творогъ съ молокомъ, пельмени съ великолѣпною сметаной, яйца въ смятку и... и... и... еще что-то—ничего не приходитъ на память.

Но мы собрались посвятить вечеръ искусствамъ, а не стомаха ради, и потому, оставя въ сторонѣ все грубое, животное, будемъ питаться пищею духовною...

Въ водевилѣ „Зачѣмъ иные люди женятся“ много куплетовъ, и при нихъ были указанія, на какіе мотивы ихъ слѣдуетъ пѣть. Часть мотивовъ была изъ разныхъ оперъ, а другая—изъ русскихъ пѣсенъ. Это, конечно, не могло служить препятствіемъ: всѣ оперы имѣлись подъ руками, и мы живо ихъ разучили въ первый же вечеръ.

Затѣмъ пошло пѣніе. Пѣли и соло, и дуэты, и хоромъ. Французскій языкъ царилъ во всю. Помню даже самый романсъ, пѣтый по-французски: „Si vous n'avez rien à me dire“...

Время провели мы превосходно, когда же вернулись домой, Суцковъ мнѣ сказалъ:

— Если хочешь, вели подать себѣ ужинать.

— О, нѣтъ, благодарю васъ. Всѣ снятъ, будить не стоитъ. Авось, не умру.

Въ разныхъ только формахъ, а оба мы пришли къ одному заключенію: жить весело, да ѣсть нечего.

Суцковъ рѣдко бывалъ у П., а П. у Суцова я что-то и не помню. Думаю, что разница въ средствахъ была этому причиной.

* * *

Какъ-то лѣтомъ, гуляя по полю, гдѣ шли работы (а я тоже иногда наблюдалъ за ними, хотя ржи отъ овса отличить не могъ), я встрѣтилъ старшаго брата П., котораго я выше назвалъ министромъ безъ портфеля. Чудакъ онъ былъ какой-то.

— Здравствуйте, Дмитрій Петровичъ!—привѣтствовалъ я его.—Откуда Богъ несетъ?

— Да я все рыбу ловилъ,—какимъ-то лѣнивымъ басомъ отвѣтилъ онъ.

Разговаривая, я довелъ его до ихняго сада. Въ саду виднѣлись бесѣдки когда-то затѣйливаго фасона, а теперь понемногу рушившіяся. Перекинутый черезъ оврагъ мостъ внушалъ мысль, не о немъ ли писалъ незабвенный И. А. Крыловъ: „Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду“.

Перила покачнулись; въ самомъ мосту зіяли дырья; сѣрая краска давнымъ-давно потрескалась и облупилась; газоны заросли, и на нихъ безпрепятственно гуляли коровы; цвѣтовъ и въ поминѣ не было.

И это въ какія-нибудь восемь-десять лѣтъ.

Да, „раззоренье“ выглядывало изъ всѣхъ угловъ...

Что же тутъ мудренаго, что одинъ сучекъ этого геральдическаго древа подъ старость лѣтъ очутился въ тяжелой роли классной дамы...

А какіе все хорошіе люди!

Имѣніе старца П. досталось племянникамъ; что теперь стало изъ этого имѣнія, я не знаю. Не разыгрываетъ ли на цѣнномъ клавесинѣ былыхъ временъ внучка потомственнаго почетнаго гражданина Колушаева, да и то небось только „чижика“ и при томъ однимъ пальцемъ.

Имѣніе Суцова наслѣдники-гусары спустили въ руки купца.

Имѣніе его дочери—тоже.

Раззоренное дворянское гнѣздо П. смердило уже въ 1870 году.

Что же это значитъ?

Гдѣ тутъ зарыта собака?

* * *

Вдругъ получаю письмо отъ товарища; приглашаетъ перейти къ нему, въ большой уѣздный городъ, поближе къ Москвѣ. Жалованья болѣе чѣмъ вдвое, готовая квартира, прислуга... Очень хорошо.

Я, конечно, согласился съ слѣдующаго учебнаго года на вѣки разстался съ донцами, гдѣ впервые забилось любовью мое сердце...

Разстался съ донцовскими обывателями, съ первобытною баней, съ пріютившими меня и обласкавшими помѣщиками...

„Оставилъ край, гдѣ все обильемъ дышетъ“, и передвинулся ближе къ центру, гдѣ все другое: и люди, и нравы, и почва, и задачи, и цѣли; гдѣ совершенно другія условія жизни, на которую успѣли наложить кажущійся лоскъ, но... гдѣ впервые запахло и земскимъ пирогомъ, и скамьею подсудимыхъ...

XXII.

Городъ, въ который закинула меня судьба съ августа 1871 года, былъ очень большой, торговый и когда-то богатый. Много было тамъ купеческихъ фамилій, обладавшихъ весьма большими средствами; удобство и дешевизна водяныхъ сообщеній, которыми пользовались безпрепятственно, ведя торговлю и съ сѣверомъ, и съ югомъ, съ востокомъ и западомъ, сыграли въ этомъ случаѣ большую роль; періодическій взносъ дани хазарамъ—начальникамъ разныхъ ранговъ по водяной коммуникаціи, — не имѣлъ никакого значенія: всѣмъ было тепло и сытно—и овцамъ, которыхъ стригли, да и стригущимъ.

Но съ проведеніемъ желѣзной дороги городъ сталъ замѣтно падать и въ концѣ-концовъ сведенъ почти на нѣтъ.

Это, кажется, общая участь большинства такихъ русскихъ городовъ. Подошла желѣзная дорога—городъ расцвѣтаетъ; повели дорогу дальше—городъ падаетъ, „въ проходномъ ряду начинаетъ пылью торговать“.

Чѣмъ все это объяснить, право, не знаю. Никогда не задавался этимъ вопросомъ и не рѣшалъ его.

Миѣ думается, что во многомъ виноватъ нашъ русскій характеръ, наше неумѣнье располагать и пользоваться новыми условіями жизни; застаютъ-то насъ эти условія все какъ-то врасплохъ...

Стукнетъ что-то по башкѣ... проснулись...

Что такое?!

Новыя условія...

Ну, и ходимъ долгое время, разиня ротъ.

Про одного хлѣбнаго торговца рассказывали такой анекдотъ, или фактъ—не знаю.

На веденіе крымской войны нужны были деньги. Просили у Троицкой лавры, да, будто бы, митрополитъ Филаретъ уперся и не далъ. Николаю I не далъ.

Пріѣхалъ Государь въ Москву и обратился къ купечеству.

Какъ на особенно богатаго торговца ему указали именно на то лицо, про которое идетъ рѣчь.

На пріемѣ во дворцѣ и онъ стоялъ среди представлявшихся: въ длинномъ сюртукѣ, въ сапогахъ бутылками; длинные волосы съ прямымъ проборомъ для такого исключительнаго случая смазалъ деревяннымъ масломъ прямо изъ лампадки.

На него указали Государю: вотъ-де жирная индюшка, изъ которой можно вытопить много сала.

Государь отзываетъ его въ сторону и говоритъ, что отъ него, какъ человѣка очень богатаго, онъ ждетъ крупной жертвы.

— Да какое же мое особенное богатство, Ваше Величество?— началъ тотъ плаксивымъ голосомъ.— Много есть народу, куда богаче меня... Шесть-семь милліоновъ не Богъ вѣсть что такое.. Знамо, жертву принесемъ по силѣ возможности и мы, отъ другихъ не отстанемъ... Хуже быть не желаемъ... но...

Государь только пожалъ плечами: въ самомъ дѣлѣ, какое же это особенное богатство—шесть-семь милліоновъ?..

Оказалось, что шесть-семь милліоновъ-то было у него мѣшковъ хлѣба по лабазамъ, да на пристаняхъ, а деньги самособою...

Патріотъ своего отечества!..

Не щадя живота своего до послѣдней капли крови...

А про источникъ богатства другой купеческой фирмы рассказывали вотъ что:

Въ двадцатыхъ—тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ домъ одного купца древляго благочестія былъ взятъ работникъ, молодой крестьянинъ Семень.

Онъ былъ все: и кучеръ, и дворникъ, и сторожъ, и приказчикъ, и ключникъ; малый смотрѣлъ придурковатымъ парнемъ, ходилъ разиня ротъ; одѣтъ въ пестрядинные рубаху и порты, въ домадѣльные лапти, опоясанъ пояскомъ, на которомъ постоянно висѣлъ небольшой ключъ отъ собственнаго сундука.

Спалъ Семень не раздѣваясь, въ баню ходилъ два раза въ годъ.

Живетъ малый годъ, другой, третій...

Дураковать, но честенъ до послѣдней степені.

Разсыпъ деньги по двору—ни копейки не возьметъ.

Вина не пьетъ, табаку не куритъ, вѣчно въ работѣ и ни слова ропота.

Выжига-хозяинъ присмотрѣлся къ нему внимательно, оцѣнилъ и сталъ относиться съ полнымъ довѣріемъ.

И Семену жилось хорошо: пища сѣрая, но сытная и вдоволь; по праздникамъ солонины сколько хочешь; жалованье хоть и небольшое, но выплачивалось аккуратно, да и дѣвать-то его было и некуда, и некогда, да и не на что; такимъ образомъ получались сбереженія.

Одно только не нравилось Семену: раза два въ мѣсяцъ по ночамъ въ окно его дворницкой хибарки раздавался осторожный стукъ:

— Кто тамъ?

— Отопри!

— Чаво надоть?

— Да, говорятъ же, отопри!

Семень, почесываясь, накидываетъ на себя рваный домо-дѣльный армякъ и идетъ къ калиткѣ, отпираетъ ее, выходитъ на улицу. На улицѣ стоятъ сани, или телѣжка, смотря по сезону; въ нихъ запряжена отличная лошадь: на ней отъ кого хошь можно ускакать; изъ-подъ сидѣнья экипажа пріѣзжіи вынимаютъ кулекъ и говорятъ:

— Во... передай хозяину въ руки...

И больше ни слова... Садился и уѣзжалъ.

Кто это, что это—ничего Семень не зналъ; онъ аккуратно передавалъ хозяину кулекъ, ничуть не интересуясь, что въ немъ.

Такъ прошло десять... двѣнадцать лѣтъ. Все шло въ этомъ порядкѣ...

Надоѣлъ Семену ночной посѣтитель: и такъ день-деньской въ работѣ, а тутъ и ночью покоя нѣтъ... Что такое значить? допытывался Семень...

Разъ онъ и вздумалъ полюбопытствовать, что за таинственные кулѣки проходятъ черезъ его руки. Осторожно распоролъ кулечекъ, заглянулъ въ него... ба! ассигнаціи...

Дуракъ, дуракъ, а догадался въ чемъ дѣло: произведеніе гуслицкихъ мастеровъ...

Работа грубая, это правда, да и народъ-то вѣдь все темный. .

Припряталъ одинъ... другой... третій кулечекъ...

Ну, и будетъ... на нашъ вѣкъ хватить...

Приходить къ хозяину и просить расчетъ. Просить смирно, слезно, скромно... Въ деревню-де надо... Свое хозяйство требуетъ его домой...

Хозяинъ очень хорошо понимаетъ въ чемъ суть... Жаль ему разстаться съ Семеномъ:—другого такого не скоро найдешь, но и задерживать его не можетъ. Хозяйство требуетъ домой—причина законная и вполне уважительная.

Полностью безмолвно отдаетъ онъ расчетъ и прибавляетъ въ награду настоящій четвертной билетъ.

Это тебѣ на разживу... за вѣрную твою службу!..

— Покорнѣйше благодаримъ!—поклонъ въ ноги да и вонъ.

Какъ все хорошо обошлось: тихо... благородно... всѣ довольны...

Благодареніе Создателю за всѣ Его милости!

Первый актъ погони за богатствомъ окончился благополучно.

Пріѣхалъ Семень въ деревню; скрытно отъ семьи сосчиталъ испосланныя справедливымъ небомъ благопріобрѣтенныя денежки (оказалось тысячъ шестьдесятъ) и составилъ планъ сбыта.

На полученное отъ хозяина почти цѣликомъ за много лѣтъ службы жалованье, да подаренный имъ четвертной, дали возможность Семену завести свою коммерцію.

Въ большомъ уѣздномъ городѣ, на большой проѣзжей дорогѣ, около заставы, онъ устраиваетъ палатку; заводитъ свою маленькую пекарню; печетъ сайки, калачи, ситникъ, баранки и торгуетъ въ разновѣсь. Проѣзжіе мужички охотно берутъ у него запасы: ужъ очень услужливый парень-то! Привезешь ему мѣшочекъ съ трудомъ накопленныхъ мѣдяковъ, онъ тебѣ ихъ съ удовольствіемъ обмѣняетъ на ассигнацію; да еще новенькую, чистенькую; долго она пролежитъ въ тряпочкѣ, а глядь это Настыкѣ, или Матрешкѣ въ приданое пойдетъ.

Обстоятельный мужикъ, что и говорить!

Пословицу: „отъ трудовъ праведныхъ не паживешь палатъ каменныхъ“ должно быть онъ выдумалъ.

Такимъ-то побытомъ всѣ бумажечки гуслицкой фабрикаціи онъ въ 10—15 лѣтъ прелюбополучно спустилъ по деревнямъ, а взамѣнъ ихъ набиралъ мѣшки мѣдяковъ, которые смѣло мѣнялъ на ассигнаціи въ государственномъ казначействѣ.

Это былъ конецъ второго акта.

Въ третьемъ—Семень ужъ развертывается во всю: у него амбары и здѣсь, и въ Москвѣ; по Окѣ и Волгѣ ходятъ собственныя барки и расшивы.

— Чьи такія?

— Семена Андреевича Кучерова...

Да, теперь ужъ онъ Семень Андреевичъ; у него есть и большой каменный домъ, и отличныя лошади, и шуба на красномъ лисьемъ мѣху, и бобровая шапка.

Жена раздобрѣла страсть какъ: пава да и только.

Дочки всё пристроены замужъ, да не за кой-кого, а за купцовъ первогильдейныхъ; живутъ, какъ сыръ въ маслѣ катаются.

Вотъ и слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!

Хорошимъ-то людямъ Онъ, батюшка, невидимо посылаетъ.

И много было здѣсь купеческихъ фамилій съ такимъ прошлымъ. Но это все преданія; я же засталъ потомковъ, изъ которыхъ многіе стремились на фабрики и заводы, гдѣ бы могли заработать себѣ лишь дневное пропитаніе.

Такъ на свѣтѣ все превратно!

Да, въ мое время начиналось уже паденіе города, и паденіе сильное. Пойдешь, бывало, по улицамъ, то и дѣло натыкаешься то на большой каменный домъ, потемнѣвшій отъ времени, съ разбитыми стеклами, съ сотнями голубиныхъ гнѣздъ внутри его; то на забитые амбары безъ хлѣба; то на громадныя, но пустые фабричныя корпуса...

И какъ, отчего все это рухнуло—Богъ вѣсть!

* * *

Мое училище помѣщалось въ окраинной части города. Вся эта часть въ большинствѣ была заселена когда-то, въ періодъ расцвѣта города, ямщиками и потому называлась „Ямской“.

Ямской промыселъ въ прежнія времена былъ въ этомъ городѣ промысломъ очень доходнымъ; городъ большой и торговый имѣлъ постоянное общеніе съ Москвой, и потому гоньба была большая. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, естественно, ямской промыселъ долженъ былъ пасть, и населеніе цѣлой слободы очутилось въ положеніи крайне незавидномъ. Ямщики обратились въ городскихъ извозчиковъ, и при томъ въ такомъ количествѣ, которое значительно превышало спросъ на этотъ трудъ.

Каменный одноэтажный домъ, панятый городской управой подъ училище, кирпичный, не оштукатуренный, но окрашенный красной краской, былъ обыкновенный жилой домъ, а не специально построенный для потребностей школы. Вѣроятно, прежде въ немъ помѣщались двѣ квартиры, теперь разгороженныя въ своей передней части, отчего получалась громадная, свѣтлая классная комната; задняя же часть дома состояла: изъ очень большой темной передней, въ которой раздѣвались ученики; въ четырехъ стѣнкахъ этой передней были четыре двери: двѣ боковыя вели въ двѣ комнаты, отведенныя подъ квартиру учителя; третья—въ классъ, и четвертая—входная со двора.

Какъ видите, удобства были незавидныя, но мнѣ, какъ чело-
вѣку одинокому, эти неудобства были нечувствительны, на-
противъ, я былъ очень радъ: другую комнату я бесплатно от-
далъ двумъ холостымъ учителямъ, людямъ съ крайне ограни-
ченными средствами. Въ этомъ случаѣ я соблюдалъ и свои
интересы: мы вели свое хозяйство, а вести его втроемъ, ко-
нечно, выгоднѣе, чѣмъ одному.

При училищѣ былъ сторожъ Николай, женатый, имѣлъ
дѣтей и жилъ съ семьей на кухнѣ, занимаясь починкою обуви.
Жена его вела наше хозяйство, за что получала съ насъ по
50 коп. въ мѣсяцъ съ каждаго. Они были довольны, и мы были
довольны.

Николай былъ уже старикъ, но крѣпкій, бодрый николаев-
скій солдатъ. Моя молодость, да и характеръ, склонный къ
выходкамъ подъ часъ и неудобнымъ, натолкнули меня продѣ-
лать съ его „отставкой“ такую штуку, за которую, конечно, по
головкѣ меня не погладили бы.

Въ моей комнатѣ стояла собственная, обитая зеленой кле-
енкой, кушетка, которая на ночь преобразовывалась въ постель;
четыре казенныхъ стула и большой письменный, казенный же,
столъ съ пятью ящиками. Разбираясь въ нихъ, я и встрѣтилъ
увольнительный билетъ (отставку) Николая.

Въ немъ было, между прочимъ, сказано „за первый“ изъ
службы побѣгъ былъ наказанъ пятьюстами ударовъ шпицруте-
новъ, но такъ какъ наказаніе было подведено подъ какой-то
манифестъ, то его приказано было не считать препятствіемъ къ
разнаго рода наградамъ. Я возьми въ свободную минуту да и
поставь точку съ запятой послѣ слова „не считать“.

Выходило въ казенной редакціи такъ, что высыпали пятьсотъ
горячихъ, да еще приказали не считать.

Молодость—каюсь.

А между тѣмъ онъ меня очень любилъ и привязанъ былъ
ко мнѣ всею душой.

Одинъ разъ мнѣ что-то понездоровилось; думаю отъ того, что
переутомилъ себя; но переутомилъ не работой, а черезъ - чуръ
широкой свободной жизнью.

Лежу въ постели. Входитъ Николай съ самоваромъ.

— Самоваръ-то на столъ, что ли, ставить, али около тебя?

— Поставь, пожалуйста, на стулъ, около меня; да дай чай-
никъ, стаканъ, хлѣбъ, молоко...—говорю я угасающимъ голо-
сомъ.

— Добѣгалси!..—началь онъ ворчать, ставя самоваръ на стулъ около меня.

— Драть-то тебя, смотрю, некому...

(Принесъ стаканъ и чайникъ).

— Да какъ не захворать? Отъ такой жизни околѣть можно...

(Принесъ хлѣбъ на тарелкѣ).

— Шутка ли: одна заря вгонить, другая выгонить.

(Ставить молоко).

— Лошадь, и ту хворь одолѣеть отъ экой жизни... Каторга, не жизнь! Я вогъ маменькѣ отпишу... Дастъ она тебѣ таску хорошую и будешь знать!.. А то ишь?!

— Ты вотъ, Николай, лучше Расскажи, какъ тебѣ безъ счету пятьсотъ палокъ-то всыпали,—говорю я, улыбаясь.

— Тѣфу! Озорникъ!

* * *

Законоучителемъ былъ у меня діаконъ одной изъ приходскихъ церквей. Педагогъ онъ былъ плоховатый. Лежишь, бывало, у себя на кушеткѣ и слушаешь его объясненіе урока. Тутъ можно было умереть со смѣху. Онъ имѣлъ несчастную привычку, передавая рассказъ изъ священной исторіи самымъ что ни на есть народнѣйшимъ языкомъ и при этомъ уснащать свою рѣчь разными вводными словечками: „значить“, „какъ бы сказать“, „стало быть“, „говорить“, и т. п., предполагая, вѣроятно, такимъ способомъ поближе подойти къ пониманію учениковъ; а изъ этого частенько получалась такая уморительная ерунда, что не было возможности удержаться отъ хохота.

Напримѣръ, рассказъ о десяти египетскихъ казняхъ онъ передавалъ приблизительно такъ:

„Приходитъ, значить, Моисей къ фараону. Отпусти, гритъ, (говорить) ты мой народъ еврейскій домой; больно ужъ трудно тутъ ему стало у тебя: и работой морятъ, и палками колотятъ, да и на счетъ пици слабовато. А фараонъ и говоритъ:

Да, гритъ, какъ же! больно ты ловокъ! отпусти ему 600 т. рабовъ, которые работать работаютъ, а жалованья не получаютъ. Пойди-ка, гритъ, найди, попробуй, нонѣ такихъ простаковъ. Ну, какъ хошь, говоритъ Моисей. Только, смотри! какъ бы, братъ, тебѣ не раскаяться! Богъ тебѣ этого не проститъ, да и мои ребята не промахъ: такую механику подведутъ, что долго будешь помнить. Ну, вотъ ладно. Повернулся Моисей и ушелъ отъ фараона. Помолился онъ, значить, Богу, и Богъ наслалъ на египтянъ десять казней, одна другой хуже... Дѣло дошло до того, что ангелъ Господень сталъ ходить по домамъ

египтянъ и убивать ихъ первенцевъ. Дошла очередь, значитъ, до самого фараона. Позвать, гритъ, сюда Моисея! Тотъ явился. Что, молъ, тебѣ надо? Вотъ что, Моисей, говоритъ фараонъ: вижу я теперь, что силенъ вашъ Богъ іудейскій; ничего, гритъ, тутъ съ вами не подѣлаешь; собирай ты всю свою шушеру и убирайся вонъ!

Ну, а у тѣхъ все было наготовѣ: и провизія, и палки въ рукахъ, и котомки за плечами, долго ли тутъ удрать!

— Такъ вотъ, до сихъ поръ къ слѣдующему разу. А тамъ,— желая заинтересовать ребятъ слѣдующимъ урокомъ, продолжаетъ діаконъ,— я вамъ расскажу, какъ евреи стали въ пустынѣ Аравійской безобразничать! Все имъ было готовое: и манна сыпалась съ неба, и перепела сами въ горшокъ лѣзли... Такъ нѣтъ, все имъ мало...

Ну, давай звоно! заканчиваетъ, обращаясь къ сторожу, діаконъ, смотря на свои часы“.

Вспоминая моего діакона, я невольно подумалъ про наше время: хорошо было бы позвать какого-нибудь гомельскаго гражданина и сказать: вотъ что, Елисей, собирай ты всю свою шушеру и убирайся куда хочешь! Не хорошо вамъ здѣсь— такъ скатертью дорога!

Никто не удерживаетъ! А то ишь, помилуй Богъ, какіе граждане появились!

Да нѣтъ, не уйдутъ.

Довѣрчивость моего діакона была безгранична.

Приходитъ онъ какъ-то на урокъ и прямо, по обыкновенію, идетъ въ мою комнату мои же папиросы курить. Кончился урокъ, вхожу туда и я. Ребята ли плохо отвѣчали, или какая другая непріятность была, только на лицѣ моемъ былъ сумракъ велій.

— Ты что такой скучный? спрашиваетъ діаконъ.

— Будешь тутъ скучный...

— А ты плюнь, вотъ и все...

— Не очень-то плюнешь... Тебѣ хорошо говорить-то, а тутъ вотъ...

— Да что такое? уже испуганно говоритъ онъ.

— Да такъ... ничего.

— Да ты скажи... можетъ, и помогу...

— Да что, братъ... жениться задумалъ, вдругъ брякнулъ я.

— Ну?!!

— Право.

— Такъ я тебѣ помогу. Переговорю и съ пѣвчими, и съ музыкантами, и съ кондитеромъ, хлопочетъ новый Кочкаревъ.

— Ну, что жъ, переговоры,—отвѣчаю я совершенно машинально.

Въ этотъ же день діаконъ всѣхъ обѣгалъ, со всѣми сторговался и все устроилъ.

Приходитъ на утро въ училище и говоритъ:

— Ну, братъ, все готово!

А я ужъ и забылъ про то.

— Что такое готово?

— И пѣвчіе, и музыканты, и кондитеръ беретъ по два съ полтиной съ персоны.

— На что это тебѣ пѣвчіе и музыканты, и кондитеръ понадобились?

— Да вѣдь ты же просилъ...

— Ну, вотъ... Я пошутилъ съ тобой, а ты и пошелъ бѣгать по городу, да всѣмъ звонить.

— Ахъ, песъ ты этакой! ударяя обѣими руками по поламъ своей рясы и вытаращивъ удивленно глаза, отвѣчаетъ довѣрчивый діаконъ.

XXIII.

Въ 1872 году была въ Москвѣ политехническая выставка. Открытый при этой выставкѣ первый „Народный театръ“ опять разбудилъ во мнѣ моего чертенка.

Окончивъ экзамены, я полетѣлъ къ матери, лелѣя надежду попасть въ „Народный театръ“, выстроенный на Солянской площади.

Какія мечты, какія сладкія грезы посѣтили меня, когда я въ вагонѣ третьяго класса ѣхалъ туда, на сцену, на настоящую, большую столичную сцену—я передать не въ состояніи...

Пріѣхалъ къ матери и на другой же день отправился въ храмъ Талии и Мельпомены.

Первый народный храмъ!

Подошелъ къ нему... и... сердце мое замерло!...

Осмотрѣлъ его кругомъ и опять: и страхъ, и невольное сомнѣнье захватило меня.

Тамъ, въ уѣздномъ городѣ, думалъ я, среди знакомыхъ мнѣ людей, людей нетребовательныхъ, я считался лучшимъ актеромъ-любителемъ... Но вѣдь это—тамъ. А здѣсь?..

Около театра, со стороны бульвара, я видѣлъ буфетъ; ви-

дѣлъ бритыя фізіономіи: и старыя и молодыя, и красивыя, и уродливыя.

Но мнѣ не то... не то нужно... Мнѣ нуженъ директоръ, артистъ императорскихъ театровъ Александръ Филипповичъ Ѳедотовъ.

Спросилъ у какого-то полупочтеннаго господина въ поддѣвкѣ (такая форма была у капельдинеровъ).

— Какъ бы мнѣ увидать г. Ѳедотова?

— Пожалуйте на ту сторону, въ подъѣзду артистовъ; они теперь на сценѣ.

Иду назадъ; подошелъ къ двери, а войти боюсь.

— Да вѣдь не съѣстъ же онъ меня? думаю я. Ну, приметь—хорошо; не приметъ—такъ тому и быть; значитъ, не суждено, и только.

Поднимаюсь по лѣсенкѣ въ три-четыре ступеньки.

— Вамъ кого угодно?

Смотрю, опять передо мной поддѣвка.

— Мнѣ бы нужно видѣть А. Ф. Ѳедотова.

— Пожалуйте сюда, я сейчасъ доложу.

Каково обращеніе-то: хоть бы и не на Солянкѣ въ пору!

Я пошелъ за нимъ съ большою опаской разбить себѣ лобъ. Не сдѣлалъ я и пяти шаговъ по сценѣ, какъ капельдинеръ уже вернулся назадъ за мной.

— Пожалуйте въ кабинетъ; приказали просить.

Вхожу въ директорскую, и передо мною стоитъ господинъ, на видъ лѣтъ 35, кудрявый блондинъ средняго роста..

Однимъ словомъ, лицо знакомое по сценѣ Малаго театра.

— Вы желали меня видѣть? Что вамъ угодно? Прошу садиться, быстро заговорилъ онъ.

— Я желалъ бы поступить въ труппу Народнаго театра.

— Ничего не могу для васъ сдѣлать: у насъ набрано артистовъ больше, чѣмъ мы предполагали; гораздо больше составленнаго штата.

— Я бы желалъ принимать участіе какъ любитель, безъ жалованья.

— А!.. Это другое дѣло. Милости просимъ. Я сейчасъ васъ познакомлю съ моимъ помощникомъ, онъ запишетъ вашъ адресъ, и вопросъ конченъ.

Боже! наконецъ-то я актеръ! Какъ я былъ счастливъ въ этотъ моментъ—и рассказать не могу. Какъ труденъ и дологъ казался мнѣ путь, и какъ скоро достигъ я своей цѣли!

Бросаюсь къ афишѣ и какія же имена нахожу на ней: „самъ Николай Хрисановичъ Рыбаковъ—во-первыхъ! Писаревъ, Бергъ, Яковлевъ, Макшеевъ, Стрѣлкова, Линовская...

И среди такихъ-то тузовъ—я двойка! Есть отъ чего съ ума сойти.

Вечеромъ я пришелъ въ театръ. Вездѣ мнѣ открыты двери, ибо я свой человекъ.

Смотрѣлъ какую-то пьесу, заглянулъ въ уборную, обошелъ сцену...

Лѣтній вечеръ, превосходный самъ по себѣ, на Варварской площади давалъ себя знать. Близость такихъ прелестей того времени, какъ Лубянская площадь съ домомъ Шипова, представлявшаго изъ себя петербургскую Вяземскую лавру; Солянка съ ея массою рыбныхъ лавокъ, испускавшихъ изъ себя отвратительный запахъ уже подгулявшей рыбы; Хитровка, переполненная ночлежными домами съ ихъ временными и постоянными обитателями изъ числа „бывшихъ людей“,—все это были большіе минусы перваго народнаго театра.

Не одно просвѣщеніе принесъ съ собою театръ населенію старой столицы: вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ появилось и приличное освѣщеніе. Въ тѣхъ страшныхъ мѣстахъ,—гдѣ постоянно шелъ грабежъ, пьянство, работа фальшивыхъ паспортовъ; гдѣ легко, какъ на биржѣ извозчика, можно было найти наемнаго бандита; гдѣ такъ часто слышался одинъ и тотъ же крикъ „карауль! грабятъ!“—освѣщеніе разогнало тьму и очистило Варварскую площадь отъ ночныхъ героевъ московскихъ трущобъ.

Какъ счастливъ былъ я, когда въ буфетѣ встрѣтилъ моихъ старыхъ знакомыхъ по артистическому кружку: В. А. Макшеева и Вѣру Александровну Дюбюкъ.

Макшеевъ уже не офицеръ; онъ скинулъ мундиръ артиллериста и окончательно посвятилъ себя сценѣ; служилъ въ провинціи, на лѣто пріѣхалъ въ Москву и попалъ въ труппу народнаго театра.

В. А. Дюбюкъ то же провинціальная актриса.

Какъ я былъ радъ встрѣтиться съ ними! Да и они обошлись со мною мило, просто, сердечно, съ самою радушною улыбкой на устахъ...

Макшеевъ занималъ амплуа комика и пользовался хорошимъ успѣхомъ, хотя рядомъ съ нимъ были такіе тузы, какъ Рыбаковъ, Бергъ, Писаревъ; не легко было ему завоевывать извѣстную позицію.

Когда впоследствии мнѣ пришлось съ большимъ успѣхомъ сыграть одну хорошую роль, то самое теплое поздравленіе я получилъ отъ нихъ, участвовавшихъ со мною въ „Тяжелыхъ дняхъ“.

Видно было, что театральное болото еще не затянуло ихъ; что актерская зависть еще не привилась къ нимъ.

Да, нѣтъ: не свойственно все это было имъ... Много, много лѣтъ спустя мнѣ пришлось съ ними встрѣтиться—и они были все тѣ же милые, простые люди...

* * *

Попадаюсь на глаза помощнику режиссера.

— Очень радъ, говорить, что васъ встрѣтилъ; вотъ вамъ три роли, завтра въ 11 час. репетиція.

Совсѣмъ актеръ! Да еще три... и... роли!

Пришелъ домой, развернулъ и... вижу... дѣйствительно три роли изъ извѣстной исторической драмы „Смерть Ляпунова“.

Одна роль—казацкаго атамана Заварзина, другая — слуги Марины Мнишекъ и третья—какого-то выборнаго.

Не столько было игры у меня, сколько переодѣваній и грима. Въ одной картинѣ я казацкій атаманъ; окончилась она, бѣги переодѣваться въ слугу; окончилась эта картина, я преображаюсь въ выборнаго...

Каторга! Теперь бы я ничего не взялъ бы за то, чтобы такъ добровольно мытариться, а тогда это называлось у меня счастьемъ...

Утромъ, часовъ въ 10, я вышелъ на крыльцо, собираясь потихоньку направиться въ театръ и вдругъ вижу, по нашему огромному двору ѣздитъ карета.

Оказывается это за мной.

— Пожалуйста на репетицію!

Мать смотритъ въ окно... И опять глупая старуха крестить... Точно въ Донецъ меня отправляетъ...

Сѣлъ въ карету и думаю: „А! чортъ возьми! Да я заправскій актеръ! Только кареты и не доставало!“

Да вѣдь въ настоящую карету, а не въ тогдашнюю колымагу, въ которыхъ срамили на всю Москву артистовъ императорскихъ театровъ того времени.

Ляпунова игралъ Яковлевъ, Заруцкаго — Рыбаковъ, Марину—Стрѣлкова.

Вечеромъ, во время спектакля, въ общей уборной молчаливо одѣваясь и гримируясь, я былъ удивленъ однообразной декламаціей тоже одѣвавшихся со мной другихъ маленькихъ

актеровъ. Они нараспѣвъ, другъ за дружкой, очевидно, кого-то копируя, орали:

„Ваша честь, казаки,—защищать храмы Божіи; ваша честь, казаки,—быть слугами отечества! Вотъ ваша честь! Честь велика, но вы не умѣли заслужить ее!“

И все это сопровождалось дружнымъ хохотомъ.

Я сначала никакъ не могъ понять, въ чемъ соль этого брѣва: ужъ не съ ума ли они сошли?

Спектакль мнѣ объясилъ все.

Это было всеобщее выступленіе реализма на борьбу съ остатками умиравшей ходульности.

Такъ игралъ Ляпунова Яковлевъ, провинціальный трагикъ, своего рода знаменитость!..

Но, увы! ихъ время прошло! Реализмъ забралъ силу, и А. Н. Островскій съ полнымъ основаніемъ могъ вложить въ уста своего Аркашки Счастливецва фразу: „Я въ провинціи-то лучше его считаюсь; нынче оралы-то не въ модѣ!“

Но „Солянкѣ“ Яковлевъ нравился и пользовался своеобразнымъ успѣхомъ.

Должно быть въ началѣ іюля мѣсяца дирекція задумала побаловать народъ и оперой: были поставлены, кажется, два акта оперы „Жизнь за Царя“ и къ ней приставлены сцены изъ московской жизни А. Н. Островскаго „Тяжелые дни“.

Само-собою разумѣется, что меня постановка этой пьесы крайне заинтересовала и, главнымъ образомъ, роль Андрея Титыча.

Понять по репетиціи, кто и какъ будетъ играть, не было возможности: репетиціи шли по-актерски, вполголоса, безъ тоновъ.

Въ труппу на амплуа простаковъ былъ приглашенъ провинціальный актеръ Орловъ. Я видѣлъ его въ роли Аркашки Счастливецва, но... онъ былъ очень неваженъ. Фигура его, дѣйствительно, подходила къ этой роли... и только.

Играть Аркашку въ Москвѣ, которая на императорской сценѣ видѣла удивительнѣйшаго Аркашку—С. В. Шумскаго, было очень рискованно. Попробуйте удержаться отъ сравненій!

Конечно, рассчитывалось на другую публику, на мизы, на Солянку, Щипокъ, Дорогомилово, да на провинцію, которая лѣзла въ первопрестольную, благодаря выставкѣ.

Но, все-таки...

Терялъ Орловъ еще болѣе въ сценахъ съ Геннадіемъ Несчастливецвымъ.

Вѣдь Геннадія игралъ „самъ Николай Хрисановичъ Рыбаковъ“!

И вотъ этому-то Орлову и была поручена роль Андрея Брускова.

Пошелъ я въ партеръ и усѣлся на свободное мѣсто. Поднялся занавѣсъ. Прошли сцены Досужева съ чиновникомъ и съ Перцевымъ; подошелъ выходъ Андрея...

— „А! Милый другъ Андрюшенька!“ говоритъ Досужевъ.

— „Василь Митричу-съ!“ отвѣчаетъ Брусковъ.

И не то!.. Совсѣмъ не то! Я чувствовалъ, что роль Андрея погибла...

Какой-то сонный, вялый былъ Андрюша!

Не могъ онъ быть такимъ.

Сорвался я съ мѣста и ушелъ за кулисы: интересно было послушать отзывы „своихъ“.

Но отзывы въ этихъ не было; всякій былъ занятъ своимъ дѣломъ, и никто не интересовался, какъ идетъ спектакль.

Брожу по сценѣ и натываюсь въ одной изъ боковыхъ кулисъ на Федотова, который, весь красный, ругался и топалъ ногами.

На сценѣ малаго театра Федотовъ самъ игралъ эту роль.

И слышу: „Скотина! Мерзавецъ! Анаема!“

Ну, думаю, это вѣдь по адресу Орлова...

Ругань продолжалась; ругань разнообразная и при томъ такая, какой ни въ одномъ лексиконѣ для благородныхъ дѣвицъ не найдешь...

Спустилась занавѣсъ и въ театрѣ ни „шлепка!“

Это послѣ боевого-то ухода Андрея Брускова!

Значить, провалъ форменный!

Не взялъ первымъ актомъ, другими не возьмешь.

Я подошелъ къ Федотову и говорю:

— Александръ Филипповичъ! позвольте мнѣ играть Андрея; я его недавно игралъ.

— Играйте! отрывисто, не глядя на меня, отвѣчаетъ онъ

На какихъ крыльяхъ радости я бѣжалъ домой, и рассказать не умѣю, хотя въ груди и шевелился червь сомнѣнія: сказалъ сгоряча... несмотря на меня... Да еще знаетъ ли, кому онъ сказалъ?

Пришелъ домой и сталъ припоминать роль. Зналъ я ее на зубокъ и пока не заснулъ, прочелъ ее разъ пять.

А на утро опять сомнѣніе: не забылъ ли про меня Федотовъ?

Дожидаюсь 10 часовъ. Ахъ...

„Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла...
Какъ долго ждалъ я въ сумракѣ ночномъ!“

(Самозванецъ—Пушкина).

Нѣтъ! Не забылъ! вотъ карета...

Входитъ капельдинеръ и подаетъ повѣстку: приглашаютъ на репетицію „Тяжелыхъ дней“.

Вотъ онъ „Рубиконъ“-то! подумалъ я.

Поѣхалъ. Пріѣжаю и изъ артистовъ—никого! т.-е. кое-кто бродилъ по сценѣ, около буфета, но изъ участвующихъ въ „Тяжелыхъ дняхъ“ никого не видать: ни Рыбакова, ни Яковлева, ни Макшеева, игравшаго Перцева, ни Дюбюкъ.

Что же это значитъ? Не ошибка ли?..

— Александръ Филипповичъ здѣсь? спрашиваю у капельдинера.

Въ кабинетѣ-съ.

Иду туда. Федотовъ встрѣчаетъ меня возгласомъ:

— Вотъ и отлично! Пораньше отдѣлаемся, а то мнѣ надо уѣхать.

Пойдемте.

Пришли мы на аванъ-сцену; за маленькимъ столикомъ сидѣлъ суфлеръ; передъ нимъ тускло горѣла маленькая лампочка. Федотовъ поставилъ на суфлерскую будку одну ногу, облокотился на нее и... репетиція началась...

Онъ говоритъ за всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и я, тонируя, читаю „Андрея“. I-й актъ конченъ...

— Ну, съ Богомъ! Играйте... у васъ пойдетъ хорошо.

Распрощался и уѣхалъ... Вотъ тебѣ и вся репетиція.

Вечеромъ за мной опять пріѣхала карета. Да-съ! я, чортъ возьми, не кое-кто, а нѣкоторымъ образомъ „персонажъ“!

Но, Боже великій! Если бы кто могъ только заглянуть въ душу этого персонажа! Что тамъ дѣлалось! Что тамъ творилось!?

Первый звонокъ. Бѣгу на сцену посмотрѣть въ дырочку занавѣси на публику. Биткомъ!

— „Двухъ дней не помню, говорилъ мнѣ одинъ изъ капельдинеровъ, чтобы встрѣтить одну и ту же физиономію! И откуда только берется такая пропация!“

Подняли занавѣсь... Началось...

Меня забила лихорадка.

— Вашъ выходъ, говоритъ помощникъ режиссера.

Я готовъ давно. Я свой выходъ знаю твердо.

Сразу взялъ настоящій тонъ... При свѣтѣ ramпы и робость пропала.

Закончилъ актъ съ бурными аплодисментами.

Въ директорской ложѣ сидѣлъ Ѳедотовъ и рядомъ съ нимъ какой-то господинъ... въ пенсне... длинные жидковатые бѣлокурые волосы... такая же длинная клиномъ борода. Это былъ Аверкіевъ, авторъ „Каширской старины“, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“.

Выхожу изъ уборной на сцену ко второму акту. Вижу—сидитъ Рыбаковъ въ костюмѣ и гримѣ Тита Титыча.

— Это ты играешь Андрюшку-то?

— Я, Николай Хрисанеовичъ.

— Гм... Новость!..

Что онъ этимъ хотѣлъ сказать—Богъ его знаетъ.

Молчаливо, но чувствовалось всѣмъ существомъ, что сердечно поздравили меня съ успѣхомъ и Макшеевъ, и Дюбюкъ, крѣпко пожавши мнѣ руку...

На другой, на третій день въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась коротенькая рецензія Аверкіева, посвященная исключительно мнѣ. Рецензія очень лестная...

Живо промелькнулъ остатокъ іюля. На Успенскій постъ спектакли прекращались, а мнѣ пора было ѣхать домой, на службу.

Иду къ Ѳедотову прощаться.

— А почему вы не хотите поступить на сцену? У васъ есть способность. Изъ васъ можетъ выработаться очень хорошій артистъ!

— Вся душа моя принадлежитъ сценѣ, Александръ Филипповичъ, но провинціи я боюсь, а въ Москву попасть трудно...

— Ну, а если на будущій годъ народный театръ останется за мной, вы согласитесь служить у насъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, А. Ф.!

— Ну, вотъ и отлично. Большого жалованья я вамъ на первое время предложить не могу, такъ какъ у васъ нѣтъ репертуара, по 100 р. въ мѣсяць я вамъ могу назначить...

А потомъ...

Сто рублей!? Да вѣдь это же счастье! Это какой-то очаровательный сонъ, а не дѣйствительность...

Но... „То былъ сонъ“...

Разстались мы съ Ѳедотовымъ очень хорошо.

Весь годъ я слѣдилъ по газетамъ за судьбою перваго московскаго народнаго театра; въ печать проникали слухи весьма

разнообразные; не зналъ, кому вѣрить. Наконецъ, все выяснилось: театръ попалъ въ руки двухъ адъютантовъ генералъ-губернатора кн. Долгорукова, князя Урусова и Писарева.

Адъютанты и театръ! Что тутъ общаго?

Годъ они его продержали, а затѣмъ онъ волею Божіею тихо скончался.

И я на своей артистической карьерѣ поставилъ окончательный крестъ.

Значить, не судьба.

XXIV.

Мои воспоминанія о первомъ народномъ театрѣ были бы не полны, если бы я не удѣлилъ въ нихъ мѣста такимъ артистамъ, какъ Писаревъ, Макшеевъ, Бергъ, Путята, Липовская и начинавшая тогда свою карьеру Вѣрочка Зорина, какъ мы тогда ее называли, впоследствии—Вѣра Васильевна, знаменитая исполнительница цыганскихъ романсовъ.

Вотъ высокая молодая фигура Модеста Ивановича Писарева: на головѣ мягкая черная шляпа съ широкими полями; сѣрое пальто; русская рубашка на выпускъ; во всей фигурѣ красота и мощь. Въ то время ему было не болѣе 25—30 лѣтъ, но въ провинціи это уже было имя, за которымъ гонялись антрепренеры.

Мнѣ памятно исполненіе имъ двухъ ролей: Петра въ „Не такъ живи, какъ хочется“—Островскаго, и „Сватъ Ѡадѣичъ“.

Въ первой піесѣ я тоже (извините за выраженіе) игралъ... Игралъ работника Петра—роль буквально въ два слова „Лошадь готова“).

Эта несчастная роль ужасно злила меня. Она заставляла изъ-за этихъ несчастныхъ двухъ словъ сидѣть за кулисами; лишала меня возможности видѣть игру Писарева. Въ слѣдующій разъ я былъ умнѣе: я не сталъ одѣваться чуть не съ перваго явленія, а просидѣлъ въ театрѣ два-три дѣйствія и, могу сказать, видѣлъ Писарева.

Великолѣпнень былъ Пискаревъ въ роли Петра. Изъ тѣхъ данныхъ ему Богомъ силъ, и физическихъ, и духовныхъ, онъ вылилъ фигуру Петра—широкую, безудержную, русскую натуру—безукоризненно; смотря на него, думалось, что только такой и могъ быть русскій богатырь Петръ, богатырь во всемъ: и въ любви, и въ раскаяніи; и въ думахъ, и въ поступкахъ... Его послѣдняя сцена публичнаго покаянія производила впечатлѣніе потрясающее.

Затѣмъ Писаревымъ исполнялась роль Фадѣича въ пьесѣ „Сватъ-Фадѣичъ“. Кто авторъ этой пьесы—не помню; кажется, Чаевъ. Сама пьеса, по своему наивному содержанію, была очень незамысловата; трудно было сдѣлать что-либо выдающееся изъ того скуднаго матеріала, какой далъ авторъ, и если оставляла впечатлѣніе, то, конечно, благодаря исключительно игрѣ Писарева. Остальные исполнители не оставили въ моей памяти никакого слѣда.

Затѣмъ былъ еще очень большой артистъ—Бергъ, принятый впоследствии на сцену Малаго театра.

Въ моей памяти сохранилось впечатлѣніе отъ многихъ ролей, имъ исполнявшихся. Онъ игралъ Городничаго, Подхалюзина, игралъ и одноактовыя пьески, какъ, напримѣръ, „Я именинникъ“, „Незнакомые-знакомцы“.

Воспитавши свой вкусъ на великой труппѣ тогдашняго Малаго театра, на Шумскомъ, Провѣ Садовскомъ, Самаринѣ, я, увѣ, далеко не былъ удовлетворенъ игрою Берга. Игра въ провинціи, дешевыя лавры избаловали его, развили въ немъ привычку къ утрировкѣ въ роляхъ даже серьезнаго репертуара, не допускающихъ ничего подобнаго; онъ позволялъ себѣ „крендель“ даже въ роли Сквозника-Дмухановскаго, требующей отъ актера не одного только таланта, но, главнымъ образомъ, чувства мѣры, и такимъ образомъ изъ величайшей русской комедіи устраивалъ что-то балаганное.

Талантъ у Берга былъ, но чувство мѣры положительно отсутствовало, а это большой недостатокъ въ артистѣ перваго амплуа.

Этотъ недостатокъ особенно рѣзко выдѣлялся при невольномъ сравненіи Берга съ Самаринимъ и Провомъ Садовскимъ, исполнявшими городничаго на Маломъ театрѣ.

Бергъ пользовался несомнѣннымъ успѣхомъ у невзыскательной публики Солянки, Зарядья, Варварки, Замоскворѣчья и странъ, къ нимъ прилежащихъ. Его колѣнца ей нравились...

Но успѣхъ ли это?

Поступилъ онъ въ труппу Малаго театра на амплуа умершаго П. М. Садовскаго, но замѣнить незамѣнимаго ему, конечно, не удалось, какъ и москвичамъ забыть незабвеннаго.

Какъ, мнѣ думается, трудно было съ нимъ играть императорскимъ артистамъ, выросшимъ на традиціяхъ дома Мочалова и Щепкина!

Тѣни этихъ артистовъ, гордости и красоты русской сцены, едва-ли были спокойны...

Игралъ Бергъ и Подхалюзина въ піесѣ Островскаго „Свои люди—сочтемся“.

И это въ Москвѣ!

Рядомъ съ Провомъ Садовскимъ рискованно!

В. А. Макшеевъ, какъ я уже отмѣтилъ выше, началъ свою артистическую карьеру, будучи артиллерійскимъ офицеромъ, въ качествѣ любителя, въ труппѣ артистическаго кружка; затѣмъ ушелъ въ провинцію, а на лѣто 1872 года былъ приглашенъ въ народный театръ. Здѣсь онъ сталкивался въ своемъ амплуа съ Бергомъ, былъ его дублеромъ. Достаточнаго опыта у него еще не было, но я ничуть не сомнѣвался, что талантъ Макшеева куда выше таланта Берга.

Въ этомъ случаѣ присущія Макшееву скромность и чувство мѣры сослужили ему большую службу; онъ предпочиталъ скорѣе не доиграть роли, чѣмъ переиграть. Въ этомъ было его большое преимущество предъ Бергомъ, котораго онъ вскорѣ смѣнилъ на сценѣ Малаго театра.

Вспоминается мнѣ постановка піесы Чаева „Свекровь“.

Вотъ ужасный языкъ! Мнѣ пришлось въ ней играть роль выборнаго; сказать одинъ только монологъ строкъ въ тридцать — сорокъ... Но, Боже! какого труда мнѣ стоило его заучить! Языкъ просто ломался! Играть подъ суфлера было нельзя, несмотря на то, что древность изображаемаго мною старца налагала на меня обязанность говорить неторопливо; въ другой піесѣ отлично можно было бы не учить роли, а тутъ нельзя: вы никогда не повѣрили бы, что суфлеръ вамъ подаетъ то, что имѣется въ піесѣ.

Помню, превосходно пѣлъ, сочнымъ, свободнымъ баритономъ, въ этой піесѣ, Васильевъ (забылъ его имя), изображая гусляра, подъ аккомпаниментъ гуслей: „По небу по синему тученьки плывутъ“.

„Свекровь“ играла тоже провинціальная знаменитость А. И. Стрѣлкова. Говорили иногда, что она была неграмотная и учила роли со слуху. Можеть быть. Знаю только одно, что играла она безподобно, захватывающе! Это былъ одинъ изъ тѣхъ мощныхъ самородковъ, какихъ въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ встрѣчалось много среди крѣпостныхъ артистовъ того времени.

Роль Княжича поручалась молодому талантливому артисту, много обѣщавшему въ будущемъ, Путятѣ. Чѣмъ окончилъ онъ свою карьеру—не знаю. Слышалъ, что не очень благополучно: провинціальная трясина засосала его...

Вѣра Васильевна Зорина выступала тогда въ водевиляхъ съ пѣніемъ; особеннаго изъ себя ничего она не представляла и ничѣмъ не выдавалась: молодая, довольно красивая, съ большими черными глазами, всегда очень скромно себя державшая; мнѣ крайне трудно было повѣрить, что эта самая Вѣрочка Зорина и цыганская знаменитость—одно и то же лицо.

Среди артистовъ народнаго театра вспоминается мнѣ и Липовская. Старенька ужъ она была для тѣхъ ролей, которыя ей давались; некрасива, нескладна, а водочка, къ которой она имѣла слабость, дѣйствовала на нее разрушительно.

Если бы не эта слабость, Липовская по своимъ природнымъ дарованіямъ могла бы легко занять мѣсто и повыше.

Русскія дѣвушки у ней выходили великолѣпно, какъ, напримеръ, въ водевилѣ „Ночное“, Груни въ „Не такъ живи, какъ хочется“; Степки въ „Ямщикахъ“.

Выходимъ мы съ нею какъ-то вмѣстѣ изъ театра послѣ спектакля. Кареты всѣ были въ расходѣ, приходилось ждать.

— Ты куда? спрашиваетъ меня Липовская, обращаясь ко мнѣ на „ты“. Всѣмъ ли она говорила „ты“, или только актерамъ-молодятинкѣ—не знаю.

— Мнѣ налѣво, по Лубянкѣ.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ; меня доведешь; чорта ли ихъ дожидаться то!

— Пожалуйста, я готовъ.

Подаль я ей руку и потащилъ въ гору. Тяжеленька была, Господь съ нею!

Жила она въ номерахъ на Лубянской площади, недалеко отъ церкви Гребенской Божіей Матери.

— Зайдемъ ко мнѣ, у меня самоваръ готовъ, предлагаетъ она, когда мы подошли къ ея грязненькимъ номерамъ.

— Съ удовольствіемъ, если васъ не обезпокою.

— Ну, вотъ еще! Сказалъ тоже! водочки выпьемъ.

Вошли въ номеръ: маленькій, грязный, съ тараканами...

Коридорный сейчасъ же подаль самоваръ, появилась водка, объѣдки какой-то закуски. Изъ-за перегородки вышла передѣтая Липовская, въ ночной кофтѣ.

Первое дѣло налила рюмку и цопнула!

— Наливай себѣ самъ.

Налилъ я и тоже цопнулъ.

Предлагаетъ еще, но я отказываюсь,—чайку стаканчикъ выпилъ и домой.

Непріятное впечатлѣніе вынесъ я изъ этого печальнаго визита...

* * *

Прежде чѣмъ оставить мою родную Москву, мой театръ, которому я отдался весь, безраздѣльно, а особенно послѣ шумнаго успѣха моего дебюта въ роли Андрея Титыча, я закончу эту главу встрѣчей съ первою героиней моего личного романа, Вѣрой Дмитріевной.

Можетъ быть, найдутся читателя, заинтересовавшіеся ея судьбой?

Спасаясь отъ мужа, она тогда уѣхала за границу. Прошелъ годъ. Она вернулась въ Москву, но вернулась не одна. Узнавши, что я тоже въ Москвѣ, она пріѣхала къ моей матери и оставила свой адресъ. Я, конечно, при первой свободной и удобной минутѣ побѣжалъ къ ней, на Тверскую, въ какой-то переулокъ, разыскалъ № квартиры, подошелъ къ двери, на которой была прибита визитная карточка съ мужскимъ именемъ.

Что это значитъ? Не ошибка ли? Не шутка ли?

Прочиталъ вновь написанный ея рукою адресъ и увѣрился, что ошибки нѣтъ. Даю звонокъ. За дверьми, слышу, поднялась суетня... Замокъ щелкнулъ... дверь отворилась... на порогѣ стояла незабвенная горничная Дунечка...

— Барыня!.. взвизгнула она... Посмотрите, кто къ намъ пришелъ-то!..

Изъ гостиной послышались быстрые, быстрые шаги... Это бѣжала Вѣра Дмитріевна...

— Боже! вы ли это? Какими судьбами?—говорила моя богиня, протягивая руку, которую я поцѣловалъ.

Этотъ возгласъ!.. Это удивленіе!.. Послѣ ея же написаннаго адреса... Все это поразило меня. Осторожность! подумалъ я...

— Собственной персоной... Узналъ, что вы въ Москвѣ, и вотъ... „спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ...“

— Совсѣмъ обактерился... Цитатами такъ и сыплете... Ну, ну... очень, очень рада васъ видѣть... Раздѣвайтесь, идите сюда... побесѣдуемъ... вспомнимъ старину...

Изъ гостиной солидной поступью шелъ представительный красивый брюнетъ, лѣтъ 35, съ длинной выхоленной бородой, кудрявая шевелюра на головѣ,—высматривалъ онъ итальянцемъ, испанцемъ, грекомъ какимъ-то; на немъ былъ черный бархатный пиджакъ, обшитый широкой шелковой тесьмой, бѣлый жилетъ, свѣтлыя брюки по тогдашней модѣ съ лампа-

сами, мягкая обувь, мягкая шелковая палевая сорочка à l'enfant и бѣлый шелковый шарфикъ.

— Рекомендую... Это мой мужъ. Александръ Николаевичъ... А это представляю тебѣ моего юнаго друга, о которомъ я тебѣ такъ много говорила...

— ?!?

Я былъ пораженъ... „Много говорила“! Мужъ? Да вѣдь мужъ у ней другой. Я его отлично знаю... помню... Ничего общаго!..

— Какими судьбами вы отыскали меня?—подводить моя богиня подъ меня мину.

Я начинаю врать:

— Да... въ театрѣ я встрѣтилъ одного донецкаго гражданина, который мнѣ и сообщилъ, что вы здѣсь, въ Москвѣ... Я въ адресномъ столѣ навелъ справки, и вотъ...

Весь вечеръ я провелъ у нихъ. Все лѣто, въ каждую свободную минуту я ходилъ къ нимъ. Пріѣзжалъ и отецъ... Все, повидимому, обстояло благополучно... Ничего зазорнаго...

Но... только, повидимому.

Во-первыхъ, Вѣра Дмитриевна страшно похудѣла, очень скверно кашляла, въ голосѣ слышалась сипота; по неприсущей ей сдержанности не было возможности ее узнать. Часто подмѣчалъ я ея задумчивый взглядъ, устремленный въ одну точку... Какой-то гнетъ лежалъ на ней...

Все это мнѣ бросилось въ глаза, но разузнать: въ чемъ суть? Что это значитъ? Какъ? Гдѣ? Зачѣмъ? Почему?—для меня были вопросы, на которые никто мнѣ не давалъ отвѣта...

Но она казалась счастливой. И слава Богу!

Была суббота. Спектакля нѣтъ, репетиціи тоже, я—свободенъ и рѣшилъ вечеръ провести у нихъ.

Вдругъ вижу въ ворота влетаетъ лихачъ-извозчикъ, за которымъ видѣется милое, доброе, знакомое лицо... Входитъ къ намъ и говорить, обращаясь къ матери:

— Голубочка, Варвара Ивановна, угостите старую знакомую чайкомъ... Смерть хочется...

Мать пошла распорядиться, оставя насъ съ глазу на глазъ.

И вотъ тутъ-то она мнѣ все повѣдала.

„Не длиненъ и не новъ рассказъ“. Уѣхала она отъ мужа за границу; встрѣтилась тамъ съ А. Н.; сошлись... Гражданскій бракъ былъ тогда въ модѣ, и потому она спокойно рекомендовала: „мой мужъ“!

Умный, красивый, образованный, интеллигентный, съ хоро-

шими средствами, деликатный въ высшей степени, но... съ характеромъ...

Онъ такъ скрутилъ ее, съ дѣтства привыкшую къ вольной-волюшкѣ, своею корректностью, несмотря на весь свой либерализмъ, что она, бѣдняжка, стала чахнуть... гаснуть... испаряться...

Смотря на нее, я думалъ: рыбка въ аквариумѣ... И обстановка, и кормежка, и ноздреватые камни, и морскія травы, и каждый день свѣтлая вода, и лучи солнца Божьяго къ твоимъ услугамъ, а не выживешь!

Нѣтъ, не обманешь! Ни себя, ни меня не обманешь!...

Года не прошло—умерла отъ горловой чахотки.

XXV.

„Вернулся я къ своимъ пенатамъ“: поправлять тетрадки, задавать задачи, оставлять безъ обѣда, участвовать въ спектакляхъ, дуться въ преферансъ, пить водку...

Однимъ словомъ, удовольствій было мало, но нельзя сказать, чтобы они отличались разнообразіемъ...

Какъ говорятъ Молчалинъ и Чацкій въ „Горе отъ ума“:

... „День за день, нынче, какъ вчера...

— Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера,
И положенный часъ приливамъ и отливамъ“...

Повстрѣчалъ я какъ-то городского голову и услышалъ отъ него такой сюрпризъ:

— А мы на ваше мѣсто нашли другого учителя... Тутъ прошелъ слухъ, что вы поступили на сцену... на большое жалованье...

— Какъ видите, это—сплетни! Поживемъ еще здѣсь и послужимъ.

Оказывается, что побывавшіе на Политехнической выставкѣ мои сограждане и посѣтившіе народный театръ привезли извѣстіе, что я отрекся отъ учительства, поступилъ въ труппу народнаго театра, пользуюсь значительнымъ успѣхомъ; что Федотовъ предлагаетъ мнѣ большое жалованье и сманиваетъ къ себѣ на службу.

Вотъ бы чьими устами медъ пить!.. Теперь надо познакомить читателя еще съ нѣкоторыми моими согражданами, лицами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ небезынтересными.

Среди нихъ особенно глубоко въ моей памяти запечатлѣлась фигура военнаго врача, доктора медицины Михаила Александровича Разновицкаго.

Запечатлѣлся особенно докторъ Разновицкій потому, что во многихъ отношеніяхъ онъ рѣзко выдѣлялся среди окружавшаго его общества: и ядовитымъ остроуміемъ, и прекраснымъ знаніемъ своего дѣла, и во всякую минуту готовностью явиться на помощь больному, несмотря на мзду, которая ожидала его. Въ то время, какъ другого врача изъ гостей ли, изъ клуба ли не дозовешься, Разновицкій никогда не отказывался посѣтить пациента своего ли, чужого ли—все равно. Разъ его зовутъ, онъ ѣдетъ; ѣдетъ куда угодно, хотя бы въ трущобу; ѣдетъ во всякую погоду, ѣдетъ и днемъ, и ночью.

Ему было лѣтъ 35—37; любилъ поиграть въ карточки, любилъ выпить; разъ дошелъ до того, что въ клубѣ во время танцевъ усѣлся среди зала на полу и сталъ танцующихъ дамъ ловить за мелькавшія ноги. Но, конечно, продѣлывалъ онъ это только съ такими дамами, которыхъ весь городъ откровенно звалъ: Александринъ, Жюли, Надинъ.

И ему все благополучно сходило съ рукъ: очень любило его все общество.

Если бы его въ этотъ моментъ позвали къ больному, онъ не могъ бы отказать, въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ же выпивалъ сельтерской воды, — холодной водой мочилъ голову, — заѣзжалъ въ аптеку, что-то принималъ тамъ и ѣхалъ къ больному.

Разъ при такихъ то обстоятельствахъ его утащили къ трудной роженицѣ; болѣе сутокъ онъ пробылъ у нея, благополучно закончилъ свое дѣло, пріѣхалъ домой, легъ спать и проспалъ цѣлыя сутки...

— Трудно вамъ было, Михаилъ Александровичъ, защитить диссертацию на доктора медицины?—какъ-то разъ спрашиваю я его.

— Э! пустяки! Написать—дѣйствительно нелегко, а защитить—ерунда!

— Что вы!.. Не можетъ этого быть...

— Вѣрно вамъ говорю. Да со мной это такъ было: выхожу; меня спрашиваетъ профессоръ: ваша фамилія? Я говорю—Разновицкій. Это вы такъ прекрасно играете на скрипкѣ? Я!—Ну, будьте докторомъ медицины. Вотъ и все.

Мы, конечно, смѣялись, очень хорошо понимая, что камень летитъ въ огородъ скрипача-исправника, одновременно бывшаго съ нимъ въ университетѣ.

Въ женской гимназіи была учительница, Дарья Ивановна Дьячкова; дѣвушка—лѣтъ сорока, но, какъ институтка, частенько разыгрывала изъ себя довольно препотѣшную наивность; виѣшность ея не изъ завидныхъ: фигура неуклюжая, зубы—крупные, желтые, скверные, но обладала недурнымъ голосомъ и умѣла пѣть. Она была въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ женой доктора Разновицкаго и часто бывала у нихъ въ домѣ.

На масленицѣ сидимъ мы съ докторомъ въ клубѣ и играемъ въ преферансъ. Онъ икаетъ.

— Что, или блинковъ плотно поѣли?—спрашиваю я.

— Да, былъ грѣхъ... Тяжесть чувствуется и не знаю, чѣмъ помочь.

— Да вы бы... касторки... совѣтуя я.

— Ка-а-сторки!! Я два часа подрядъ смотрѣлъ на Дарью Ивановну... слушалъ ея пѣніе, и то не дѣйствуетъ, а ты—касторки!...

И вотъ, попуталъ грѣхъ эту Дарью Ивановну...

Было ей за сорокъ! и вдругъ она вздурилась выходить замужъ. Да не подумайте, что какой-нибудь Федоръ Павловичъ Карамазовъ, небрезговавшій даже Лизаветой Смердящей, польстился на эту несомнѣнную дѣвственницу! О, пѣтъ! Сравнительно молодой человѣкъ изъ практичныхъ пѣмцевъ завладѣлъ этою неприступною крѣпостью.

Какъ къ самому близкому человѣку, обращается эта Дарья Ивановна къ Разновицкому съ просьбой быть у ней посаженнымъ отцомъ; тотъ соглашается; обвѣнчали, проводили молодыхъ на вокзалъ, и сами цѣлой гурьбой явились въ клубъ пировать на свой счетъ.

— Что это значитъ, Михаилъ Александровичъ, со свадьбы-то да сюда?

— Это, батенька, была свадьба совсѣмъ необыкновенная; нисколько не похожая на всѣ остальные свадьбы въ мірѣ...

— Да почему же? Что тутъ необыкновеннаго?

— Да все: ну, вотъ напримѣръ, ты мнѣ скажи, какой концертъ поютъ пѣвчіе, когда невѣста входитъ въ церковь?

— Какой! Обыкновенно поютъ „Гряди, голубица!“.

— Ну, вотъ видишь—а тутъ пѣли „Дивны дѣла Твоя, Господи!“ Обвѣнчались и поѣхали въ Москву... Хорошо, если не будетъ встрѣчнаго поѣзда, а то вѣдь отъ „голубицы-то“, пожалуй, и локомотивъ съ рельсовъ своротитъ! Ты подумай только, сколько жизней искалѣчитъ!

Мы, конечно, хохотали, какъ съумасшедшіе...

— Если бы мнѣ пришлось на ней жениться, то я бы, клянусь, до ночи не дожидь бы, удавился бы...

Все это на другой же день разнеслось по городу. Даже нашлись услужливыя кумушки, передавшія эти слова по возвращеніи ея изъ Москвы, но передали въ смягченномъ видѣ: удавился бы черезъ недѣлю...

Она, въ шутиливой формѣ, со смѣхомъ, начинаетъ пенять своему посаженому папашѣ:

— Неужели вы... мой посаженный отецъ, такъ о богоданной дочкѣ-то выражались, что черезъ недѣлю бы послѣ свадьбы удавились?

— Что вы... что вы... Богъ съ вами! испуганно отвѣчаетъ, повидимому, смущенный папаша: никогда я такъ не говорилъ... Я говорилъ: не черезъ недѣлю... а до ночи не дожидь бы и удавился.

* * *

Не щадилъ Разновицкій въ своихъ выходкахъ ни взяточниковъ, ни воровъ; въ такихъ случаяхъ онъ имѣлъ обыкновеніе рассказывать о всѣхъ ихъ прегрѣшеніяхъ, какъ будто бы онъ самъ все это продѣлывалъ, но общество-то отлично знало, о комъ шла рѣчь.

Напримѣръ, про нѣкоторыхъ членовъ рекрутскаго присутствія при приемѣ рекрутовъ онъ велъ такой разговоръ:

— Нѣтъ, братъ, нынѣ отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ... Вотъ декабрь еще только подходитъ, а у меня ужъ руки чешутся... А отчего? Привычка, братъ. Чувствуютъ онѣ, подлецы, что скоро сѣнокось, ну, и чешутся... Я вѣдь какъ дѣйствую; назначено присутствіе; я приѣзжаю заблаговременно и въ передней очень долго раздѣваюсь: родственники рекрутовъ ужъ побывали у меня на дому... Мзду-то я съ нихъ содралъ... И на каждой написалъ: десятка—отъ Синякова; четвертной—отъ Корявова; сотняга—отъ Буфетова...

— Какъ дѣла-то наши, Михаилъ Александровичъ? встрѣчаетъ меня около дверей такимъ вопросомъ Синяковъ.

— И чудакъ ты, какъ я посмотрю: десяткой хочешь отдѣлаться! Нынѣ, братъ, за эту сумму и квартальнаго не укупишь, а я вѣдь докторъ медицины! И ты хочешь на эту малявку меня заманить? Хочешь быть свободенъ, мнѣ Кати не носи!..

И побаивались многіе его языка.

Впрочемъ, такой системы онъ придерживался не всегда, и не со всѣми.

Командиръ резервнаго батальона, въ которомъ служилъ Разновицкій, былъ весь въ рукахъ своего доктора. Наживать ему деньгу отъ батальона можно было только при благодушномъ отношеніи къ нему врача, а иначе дѣло пахло и судомъ. Вотъ съ нимъ ужъ Разновицкій не стѣснялся и въ своихъ выраженіяхъ ни къ какимъ ширмамъ не прибѣгалъ.

Какъ-то лѣтомъ, въ большой праздникъ, пріѣзжаетъ Разновицкій въ клубскій садъ; садимся играть въ карты; вижу, онъ не въ духѣ.

— Что это съ вами, докторъ?

— Да что... скотина Затравинъ сейчасъ возмутилъ меня. Выспаться послѣ обѣда, подлець, не далъ... Вызываетъ меня къ себѣ... форменной бумагой... да еще „немедленно“! Что, думаю, за экстренность такая? Ужъ не начальство ли наѣхало? И вдругъ, представьте, пріѣзжаю къ нему, встрѣчаетъ меня такой растерянный и говоритъ:

— Голубчикъ, Михаилъ Александровичъ, научи, что тутъ дѣлать? Еще только середина мая, а ужъ третій солдатъ-мерзавецъ утонулъ...

— Ну, и какой же совѣтъ вы подали?

— Я ему и говорю: я бы на вашемъ мѣстѣ, издавъ такой приказъ по батальону, чтобы никто не смѣлъ къ рѣкѣ подходить, пока не выучится плавать...

— Ну, и что же?

— Очень, дуракъ, благодарилъ и велѣлъ къ завтраму изготвить приказъ.

Много проказъ раздѣлывалъ этотъ хорошій и человѣкъ и докторъ, всего не припомнишь.

* * *

Я, кажется, упоминалъ уже, что мнѣ часто приходилось выступать въ качествѣ чтеца и рассказчика и въ любительскихъ концертахъ, и въ небольшомъ обществѣ своихъ друзей и знакомыхъ. Читалъ я и горбуновскіе рассказы, и драматическіе отрывки, и стихотворенія; успѣхъ никогда меня не оставлялъ. Успѣхъ этотъ я приписывалъ не столько себѣ, сколько авторамъ читанныхъ произведеній. Я всегда умѣлъ удачно выбрать отрывокъ, стихотвореніе, рассказъ. Кстати, не знаю, чѣмъ объяснить такое явленіе: было два брата Горбуновыхъ Орестъ и Иванъ. Иванъ гениальный рассказчикъ на сценѣ, но его печатные рассказы, по-моему, не такъ удачно передаются другими чтецами, какъ рассказы его брата Ореста. По крайней

мѣрѣ мнѣ несравненно легче давались рассказы Ореста, чѣмъ Ивана. Вспомните его рассказы: Гамлетъ, Странники, Чистый понедѣльникъ, Голицынскіе концерты, и др.

Такъ вотъ выборъ чтеній содѣйствовалъ успѣху—это съ одной стороны, а съ другой—чтеніе все-таки болѣе доступно пониманію большинства уѣздной публики. Рояль любили немногіе, скрипку—еще меньше; а пѣніе и чтеніе всегда имѣло успѣхъ.

Это обстоятельство заставляло меня много учить наизусть, такъ что въ концѣ концовъ у меня составился большой и довольно разнообразный репертуаръ.

Наступали святки, и я поѣхалъ въ Москву къ матери. Зашелъ я какъ-то съ двоюроднымъ братомъ въ трактиръ „Саратовъ“ и въ ожиданіи заказаннаго взялъ газету. Читаю объявленіе: извѣстный въ то время цитристъ Бауеръ устраивалъ въ залѣ „Славянскаго базара“ литературно-музыкальные вечера, охотно посѣщавшіеся публикой. Изъ участвовавшихъ въ нихъ артистовъ помню знаменитаго куплетиста, а затѣмъ и прославившагося антрепренера сада „Эрмитажъ“, мага и волшебника М. В. Лентовскаго, скрипача Бабушку, чтеца Григоровскаго, пѣвицъ Енгальчевой и Нелюбовой, остальныхъ что-то не помню.

Такъ вотъ этотъ Бауеръ и напечаталъ въ газетахъ объявленіе, приглашающее артистовъ участвовать въ его вечерахъ.

Развѣ попробовать? подумалъ я.

Сказано-сдѣлано. На другой день отправляюсь къ нему; жилъ онъ гдѣ-то въ переулкѣ, недалеко отъ Чистыхъ прудовъ.

Пошелъ къ нему; принимаетъ. Предлагаю свои услуги, онъ очень радъ; назначаетъ онъ мнѣ за участіе 20 руб.

— То есть... извините, какъ 20 р.?

— Ну, да, за вечеръ, за чтеніе въ двухъ отдѣленіяхъ я вамъ буду платить 20 руб.

Я, конечно, согласился: шутка сказать—20 р. въ вечеръ. Да если я буду ѣздить каждый день, такъ и то у меня много останется. Богатство!

На другой день гляжу, я ужъ и на афишѣ красуюсь!

Наступилъ вечеръ; надѣлъ фракъ, бѣлый галстухъ, приобрѣлъ перчатки, начистилъ сапоги такъ, что ослѣпишь... Ну, артистъ, да и только!

Являюсь въ артистическую комнату и застаю въ ней всѣхъ участвующихъ; былъ тутъ и мой соперникъ, Григоровскій;

представился я имъ и былъ принятъ, какъ мнѣ показалось, весьма доброжелательно.

Наступилъ мой номеръ, я вышелъ и смѣло началъ читать боевое въ то время стихотвореніе Пушкирева „Свѣтскіе контрасты“. Кончилъ съ трескомъ, слышу bis; иду, раскланиваюсь; аплодисменты и крики не умолкаютъ. Выхожу другой разъ и читаю „Убогая и нарядная“ Некрасова.

Опять вызовы, и вызовы довольно бурные; выхожу, раскланиваюсь и возвращаюсь въ уборную. А тутъ ужъ приставъ ждетъ меня.

— А вы имѣете разрѣшеніе попечителя учебнаго округа на публичное чтеніе? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, не имѣю.

— Такъ я не могу допустить вашего дальнѣйшаго участія...

— Извините,— сконфуженно говорю я,— я этого не зналъ...

Порохъ Лентовскій страшно вспылилъ и набросился на Бауера, зачѣмъ тотъ не предупредилъ меня...

Что-то пошепталъ ему Бауеръ, взялъ меня подъ руку, повелъ въ кассу, уплатилъ мнѣ десять рублей и сказалъ:

— Вы извините меня... Это все подстроено, и я догадываюсь кѣмъ...

Догадался и я, кѣмъ это было подстроено... Взялъ десять рублей, поужиналъ и поѣхалъ домой, а на другой день и совсѣмъ удралъ изъ Москвы...

Тогда Лентовскій за свои куплеты, а Григоровскій за чтеніе, зарабатывали большія деньги. Каждый изъ нихъ былъ одинъ на всю Москву; въ вечеръ-то они, бывало, участвуютъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ... Прочитаютъ и на извозчика, а затѣмъ возвращаются ко второму отдѣленію. Само собою разумѣется, что появленіе соперника должно было отразиться на интересахъ Григоровскаго, который бралъ по 30 рублей за вечеръ...

Однако мысль зарабатывать такимъ путемъ деньги не оставила меня...

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

